

Лёвкин В.Е. Психофизическое отношение: опыт введения категории (из серии "Аспекты философии психологии") // Калейдоскоп культуры: феномен и осмысление / Сборник статей. Тюмень, Издательство "Вектор Бук", 2004. – 84 с. (С.10-40).

В.Е. Лёвкин

**ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ:
ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ КАТЕГОРИИ
(ИЗ СЕРИИ "АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ПСИХОЛОГИИ")**

Опыт всегда или подтверждает, или опровергает теорию, только не всегда ту, с которой соотносится, но обязательно ту, в рамках которой истолковывается...

Человек не только пытается познавать, он пытается найти за всем общее, нечто исходное для множества форм, пытается определить само отношение между субъектом и объектом в источнике, процессе и факте познания, отношение между «я» и «не-я». Но общее для чего и для кого? Для какого объекта и субъекта исследования? Имеет ли значение для познания этого общего само фактическое отношение между «я» и «не-я» в состоянии познающего и в состоянии знакомящегося с результатами познания другого? Здесь уже тысячелетия нет единства во мнениях.

Однако мы можем представить в этом основание (возможно только «одно из») для различения естественных и гуманитарных наук. Если естественные науки стремятся познать *физические отношения* (объективные, независимые от сознания)¹, то гуманитарные науки видят эти же отношения, но в специфическом приложении к человеку, обществу, культуре, и, таким образом, концентрируются на *психофизических отношениях* (указывающих место для субъективного, область зависящую от сознания, психики).

Исторически, от рационализма Р. Декарта до критической онтологии Н. Гартмана и современных психологических исследований сознания и психики, отношение между субъектом и объектом познания было «основным отношением», которое возникает, оформляется, создается и разрешается на *психофизическом уровне*. Выражением «основного отношения» пред-

¹ На протяжении всего 20 века, в связи с разработкой интерпретаций квантовой механики, теоретическая физика пересматривала и сейчас ведет пересмотр взглядов относительно возможностей наблюдателя, его роли в получении экспериментальных данных и теоретических положений. В этом смысле естественные и гуманитарные науки сближаются.

лагается здесь понимать и *основной вопрос философии*: отношение мышления к бытию, идеального к материальному, и т.д. На этом основании, а также на основании того, что «я» не может мыслиться непротиворечиво без «не-я» (как бы первое или второе не понималось) мы можем с полным правом называть отношение между «я» и «не-я» *психофизическим отношением*. Данное категориальное нововведение имеет ряд значимых следствий для познания сознания, психики, феноменов общения и т.д., но пока вернемся к рассмотрению психофизического отношения.

Сколь разнообразными не были бы предметы исследования в гуманитарных науках, все они, принципиально, есть частные выражения психофизических отношений – отношений между тем, что мы называем психикой и тем, что понимается под данным нам в наблюдении (взятым для наблюдения?) миром¹.

Иногда можно услышать, что психология должна заниматься психикой, а физическим должна заниматься физика. Такое утверждение предполагает точное безусловное знание того, где заканчивается психическое и чем оно принципиально отличается от физического, и что оно вообще отлично по принципиальным соображениям. Но. Такого знания нет. Если мы уже в самом методе познания оторвем психическое от физического, то неизбежно впадем в крайности идеалистических или редукционистских представлений. Именно поэтому, *психофизическая проблема*, т.е. проблема соотношения «психической» и «физической» реальностей всегда была и, вероятно, будет центральной проблемой теоретической психологии, от решения которой зависит понимание предмета психологии, выделяемых единиц анализа, используемых методов познания, способов истолкования, горизонта практических задач и т.п.

Малейшее изменение на уровне понимания психофизической проблемы существенно меняет строй психологической науки.

Следует отметить также, что психофизическая проблема это проблема не только отношения между психическим и физическим, это еще и проблема поиска *непсихического*. Ведь если мы постулируем существование «психического», то должны подразумевать и существование «непсихического». И тогда встает вопрос о поиске и определении того, что не

¹ Учитывая вопросы современной методологии познания, сознательно избегаем терминов «внешний», «объективный» мир, и т.д.

является психическим, а также вопрос о том, насколько и в каких частях, при каких условиях *физическое* является или не является *психическим*.

Однако в этой работе, и данном разделе, мы сконцентрируемся не столько на *психофизической проблеме*, сколько поставим проблему *психофизического отношения*. Т.е. не претендуя на решение психофизической проблемы, мы, тем не менее, предлагаем определенный взгляд на различные *типы* самого *отношения* между «психическим» («я») и «миром» («не-я») – т.е. взгляд на *типы психофизического отношения* и соответствующие следствия.

В традициях познания в психофизическом отношении выделяли в качестве детерминанты то одну, то другую стороны, то взаимодействие между ними. Так в различных вариантах *идеализма* доминантой будет «я», субъект, сверхсубъект (напр. бог), ощущение, восприятие, сознание, психика, детерминирующие «не-я». В *материализме* все (в том числе и «я») будет определяться миром, объективными (в понимании – независимыми от сознания) законами, естественным ходом вещей, материальными причинами, т.е. «не-я» детерминирует «я». В различных *диалектических* вариантах теоретических систем пытающихся указать на искусственность этого идеально-материального противопоставления все равно данное противопоставление присутствует, что часто в истории познания приводит к агностическим построениям, бессмысленным уже по определению. Вырастающие из этих крайностей общенаучные методологические подходы (субъективизм, объективизм, гностицизм и агностицизм, детерминизм и релятивизм, структурализм и функционализм, позитивизм и негативизм, персонализм и трансперсонализм и т.д.) по своему описывают отношение между «я» и «не-я» (психофизическое отношение), смещая акцент то в одну, то в другую сторону.

В задачи данной работы не входит попытка решения основного вопроса философии и методологии. Для нас сейчас принципиально важным является сам *факт существования психофизического отношения*. Хотя, следует отметить, существует довольно много взглядов на характер отношений между «я» и «не-я», обрисовывающих особенности восприятия «мира», концентрирующихся на самовосприятии или отношении между первым и вторым, с привлечением даже методологиче-

ских достижений из естественных наук, в частности, из интерпретаций квантовой механики¹. Эти разработки просто обязаны быть, и, безусловно, внесут свою лепту в раскрытие действительных тайн бытия человека. Попытаемся кое-что внести и мы, но подойдем к проблеме несколько с другой стороны.

Не затрагивая вопрос о природе, свойствах и адекватности восприятия, вопрос о познаваемости и доступности мира, попробуем *изменить саму постановку вопроса*: с вопроса о том, какого в сущности это психофизическое отношение и каким оно является, на вопрос о том, каким оно *может* быть.

Предположим, что *психофизическое отношение* может меняться. С соответствующими последствиями для познания и практической деятельности. Предположим также, что это отношение между «я» и «не-я» уже изменялось на протяжении истории человечества (его филогенеза) и присутствует в качестве одного из механизмов онтогенеза. Для психологии это значит, что в истории закономерно изменяются предмет психологии, предмет и механизм психической деятельности, предметы, формы и механизмы трансформаций в культуре.

В таком случае как могут протекать эти изменения? Каковы возможные варианты отношения между «я» и «не-я» (*психофизического отношения*)? Каковы конкретные и общие следствия того или иного варианта для человека, общества, культуры, сознания, деятельности?

Начнем с вопроса о генезисе.

Филогенез психофизического отношения

Давайте вообразим себя антропологами, оказавшимися в первобытном племени. Может статься это поселение, отнесенное во времени на двадцать тысяч лет назад, а, возможно, и современное первобытное племя. Представим, также, что мы ничего не знаем о жизни этого племени, о его культуре, о специфике психологии его индивидов, но хотим узнать. Следовательно, мы будем вначале наблюдать, собирать материал, факты для теоретического обобщения.

И что же мы можем наблюдать? Тут, видим, стоит дерево, обвешанное всевозможными завязочками и обложенное различными фигурками, и к нему как-то иначе относятся, чем к такому же дереву в пятнадцати метрах правее. В другой раз

¹ См., например, 1) Уилсон Р.А. Квантовая психология // Пер. с англ., под ред. Я. Невструева, К., Янус, София, 1999, 224 с. 2) Уилсон Р.А. Психология эволюции // Пер. с англ., под ред. Я. Невструева, К., Янус, 1998, София, 304 с.

случайно замечаем, что у исследуемых аборигенов одно имя для общего пользования и другое для личного – настоящее имя, которое они оберегают, так, словно, завладев именем, мы можем нанести его обладателю физические увечья. Подобным же образом они, как оказалось, относятся и к тени – наступить на тень, значит смертельно обидеть или даже покушаться на жизнь. А, однажды, как-то ночью, разбуженные и не выспавшиеся, мы оказались втянутыми шаманом в странную церемонию погружения в «нижний мир», а последующие видения и сны интерпретировали старейшины с очень даже серьезным видом, словно это и не сны были, а высшая форма реальности. «Там возможно то, что не возможно в бодрствовании», - подтверждают аборигены. Через некоторое время нас взяли на охоту – проявили невероятное доверие, судя по их лицам. Мы прикончили целых десять кроликов, вместо пяти, как нас просили. В результате, нас выставили за черту племени на сорок восемь дней в отдельную хижину и заставили все это время питаться растительной пищей. Как мы успели, все же (лучше поздно, чем никогда), понять – нельзя было убивать больше только потому, что они попадались. «Необходимое нужно брать, но брать нужно только необходимое». Нам дали странное объяснение: убив лишних кроликов, мы убили часть самих себя, часть племени, и теперь требуется время на восстановление. При этом шаман вручил нам странные предметы – кости, перья, кусочки земли и листья, указав на то, что сила этих зверей, птиц, мест и растений защитит нас от гнева джунглей, а стоянку нашу очертил кругом. Он не понял наших вопросов о том, почему отдельные перья и кости он называет птицами и зверями, и относится к ним как к живым. Просуществовав в племени еще некоторое время мы решили возвращаться и, напоследок, предложили аборигенам сфотографироваться – как и раньше они наотрез отказались это делать, посчитав нас сумасшедшими, после того, как мы оставили им наши фотографии.

Итак, факты наблюдения (мистические предметы, особое отношение к имени и тени, к сновидениям, восприятие мира как единого с племенем, отождествление изображения и оригинала, отождествление части и целого, нечувствительность к логическим противоречиям) позволяют говорить о том, что *предметы мышления и способы мышления* у первобытного человека отличаются от предметов и способов мышления со-

временного человека. Иначе говоря, они *о другом и по-другому* думают, т.е. обладают другой *формой мышления*. Но для определенной формы мышления (как единства предмета и способа мышления) требуются и соответствующие ей единицы мышления – *представления*, которые поддерживались бы в данном случае первобытным, мистически ориентированным способом мышления.

Используя идеи Л. Леви-Брюля¹, можно утверждать, что принципиальная разница в мышлении первобытного человека и современного именно в различии представлений, самих единиц мышления, своего рода носителей содержания мышления. Если наши (современные) представления – это в основном интеллектуальный образ, то представления первобытного человека невероятно сложнее по структуре, поскольку кроме интеллектуального образа включают в себя еще и эмоциональное отношение, ожидание, волевой импульс и даже само действие. Леви-Брюль называл такие сложные представления первобытных людей слабодифференцированными, в противоположность представлениям современного человека – сильнодифференцированным. По-сути, первобытный человек не в состоянии разделить мысль и эмоцию, знание о предмете и отношение к нему, воображение от действия. Более того, все, на что направлено внимание первобытного человека, уже оказывается воздействующим на него – это скрытые, таинственные и могущественные силы влияют через то, что можно только ошибочно посчитать отдельными предметами, событиями или действиями.

В точности также как все взаимосвязано, едино в психике первобытного человека оно взаимосвязано, едино для него и в мире. Если пошел дождь, то первобытного человека заинтересует: почему сейчас и здесь, о чем и зачем это послание из мира духов? Если перед ним на тропу упал здоровенный камень со скалы, то первобытный человек непременно примет это за знак, смысл которого будет искать и обязательно найдет, как и подтверждение ему (напр., брат поранился на охоте в тот же день, но за несколько дней пути от него). Это не значит, что первобытный человек не способен понять того, что дождем подточило камень, поэтому он и упал. Он это знает. Причины и следствия не ускользают от него, они для

¹ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с. – (Психология: Классические труды).

его сознания просто *незначимы*. Его больше интересует не то *почему* он упал, а *зачем* он упал, точнее даже «о чем он упал» (о чем это событие говорит), как это действие соотносится со всем остальным. Для первобытного человека не существует *отдельного* от всего остального камня, отдельного факта.

Л. Леви-Брюль предположил, что различия в представлениях между современным и первобытным человеком должны повлечь за собой и различия в том, как этот материал в мышлении обрабатывается, каким образом представления сочетаются в сознании, например, образуя суждение. И действительно, разве материал не предполагает уже своими свойствами наиболее естественные для данного деятеля способы обращения с ним?

Автор данной работы однажды провел небольшой эксперимент, идея которого родилась спонтанно. В оживленном разговоре (участвовало пять человек, не зная о том, что происходит эксперимент) участникам незаметно были переданы, фактически подсунуты куски пробки от винной бутылки (части хорошо крошащейся пробки). Увлеченные беседой участники эксперимента не заметили как, попутно и все до одного, крошили пробки. Идея в том, что никто в автоматическом режиме обращения с материалом не вышел за рамки того, на что материал провоцирует, что допускает для автоматической реализации возможностей данных деятелей. Никто не попытался лепить, гнуть, выпрямлять, растягивать, сворачивать или разворачивать винные пробки. Все, кому они попадали в руки, их крошили.

Материал действительно уже своими свойствами предполагает определенные, наиболее естественные для данного деятеля, способы обращения с ним.

В самом деле, вещь как будто имеет своего рода валентность, манипулятивную привлекательность, и вместе с тем требовательный характер (см., напр., исследования проблемы мотивации в школе К. Левина).

Это отношение между предметом возможной деятельности и деятелем возникает автоматически, как следствие их (предмета и деятеля) одновременного присутствия в данном пространстве. Это относится и к представлениям в пространстве мышления. Для слабодифференцированных представлений первобытного человека строгая причинно-следственная логика неприменима, но применима и удобна *сопричаст-*

ность (мистическое ассоциирование в соответствии с коллективными представлениями данного племени – *партиципация* (термин Л. Леви-Брюля)). Если соответствует из поколения в поколение передающимся представлениям, значит суждение верное, правильное, действительное, а если не соответствует, то и не воспринимается, поскольку не поддерживается ассоциативным опытом, организация которого структурируется коллективными представлениями.

Коллективные представления (понятие ввел Э. Дюркгейм) обладают четырьмя характерными признаками: а) передаются из поколения в поколение, б) навязываются, в) пробуждают определенные социальные чувства, г) мотивируют на определенные социально значимые поступки. Коллективные представления первобытных людей – это их представления о том, как устроен мир, человек, отношения между ними, это традиции, нормы, обряды, ценности, знания о том, как и чем можно воспользоваться, чтобы достичь желаемого и т.п.

Коллективные представления людей, в том числе и первобытных, отражают и поддерживают ту *форму мышления*, которая позволяет эффективно выживать в данных условиях. Сопричастность, как принцип организации представлений в сознании позволяет, в условиях первобытной жизни в стихии природы, чувствовать себя единым с природой, что является крайне эффективным для выживания. Только уточним, когда мы, в рамках анализа, говорим «единым с природой», то тем самым уже подразумеваем свою отдельность от природы (само понятие «природа» указывает на нашу выделенность из нее), чего у первобытного человека нет. В этом смысле следует помнить, что, описывая первобытного человека, мы неизбежно наделяем его свойствами собственного дифференцированного мышления просто через факт описания. Например, когда мы говорим, что коллективные представления включают в себя обычаи, обряды, что это представления о том каково отношение между человеком и миром, мы подразумеваем отдельность, отделенность обычаев от обрядов, человека от мира, а этого разделения в жизни первобытного человека нет.

Вместе с тем, вслед за Л. Леви-Брюлем, с уверенностью можно утверждать, что мышление современного человека основано не на *сопричастности*, а на *причинности*. Сопричастность (партиципация) у современного человека также есть, но из первичного принципа организации представлений в созна-

нии она стала вторичным. Она именно *стала* вторичным принципом не только филогенетически, но и онтогенетически – стадии первобытного мышления человечества соответствует возрастная стадия человека от рождения до, приблизительно, трех лет. Для ребенка весь мир живой, чувствующий, реагирующий. Можно на некоторое время «вспомнить» сопричастность в таком мысленном эксперименте: оглядитесь по сторонам, вы обнаружите множество различных предметов. Задача: смотрите на предметы как на живые, чувствующие, переживающие, намеревающиеся и уже что-то делающие, в том числе с вами, уже как-то (и обязательно) влияющие на вас, как-то к вам относящиеся. При этом попытайтесь также вообразить, что отдельных предметов нет, все они есть только выражение в нашем восприятии неких таинственных и всемогущих сил. Удерживая пару минут такое отношение к воспринимаемому мы актуализируем у себя механизм партиципации. Обратите сейчас внимание и запомните, как изменилось ваше самоощущение и ощущения от восприятия окружающего мира.

У современного человека, согласно Л. Леви-Брюлю, первичным принципом организации представлений стала *причинность*. Работу этого принципа мы и называем *логикой*.

Но как же произошел переход к причинности? Прежде чем ответить на этот вопрос рассмотрим как первобытный человек с помощью своей *пралогической формы мышления* (мышления использующего слабодифференцированные представления, организованного партиципацией и закрепляемого коллективным опытом) организует свою жизнь.

Прежде всего, как первобытный человек воспринимает мир? Слабодифференцированные представления не дают ему возможности отделить эмоцию от мысли, чувство от действия, ожидание от поступка. При этом первобытный человек знает (это коллективные представления), что весь мир пронизан силами, духами, тайной которые все объединяют, где любое событие – только выражение этих сил.

Поскольку представления первобытного человека слабодифференцированы, то он не в состоянии разделить внешнее и внутреннее, отделить субъект от объекта восприятия и познания. В одно целое смешивается образ объекта и отношение к нему, сливается описательное «почему?» с оценочным «зачем?», объединяется «акция» и «реакция».

Первобытный человек не в состоянии четко указать на границу между ним и миром, который его окружает. А это, в свою очередь, является достаточным основанием для взаимного переноса качеств. Он уверен: «я ведь мыслящий, чувствующий, переживающий, действующий?». Верно. А раз нет четкой границы между мной и миром, то я проецирую свои качества на мир и интроецирую качества мира на себя. Теперь я не сомневаюсь, что и мир мыслящий, чувствующий, переживающий, действующий. Более того, в сознании первобытного человека вообще нет такого жесткого деления на «я» и «мир». «Я» является такой же частью мира, как и все остальное, без всяких оснований на то, чтобы его как-либо выделять из мира.

И такой способ восприятия мира был крайне эффективным в условиях постоянных столкновений со стихией природы. Первобытный человек не убьет двух кроликов, если ему нужен один, поскольку понимает, что в следующий момент сам может оказаться на месте кролика, в каком-то смысле он *уже* кролик, причем именно этот – пойманный. Первобытное, мистически ориентированное сознание экологично не в силу убеждений, а в силу своей организации. Зачем мне уничтожать лес, если это я и есть?

Эпоха первобытного сознания – это время, когда человек большую часть времени тратил на взаимодействие с природой и другими людьми, которые еще не выделили себя из природы, стихии, наполненной неизвестными и потому таинственными взаимодействиями. Это время мы можем обозначить как время, в котором человек рождаясь с отношением «я – центр мира»¹ в последствии (под давлением первобытной культуры) изменяет его на отношение «я – это мир, а мир – это я». Переход этот сопряжен с различными испытаниями, обрядами, традиционной церемонией инициации мальчика в мужчины и девочки в девушки.

Отметим, еще раз – отношение «я – центр мира» естественное, врожденное, а ему на смену через коллективные представления приходит отношение «я – это мир, а мир – это я». Причем «мир» не однороден, в нем есть более и менее значимые вещи, такие как тотем, род, место, духи, и т.д.

А теперь, на минутку представим первобытное племя, численностью, скажем, в *сто* человек. Не маленькое и не

¹ См. напр., работы З. Фрейда, Р.Р. Гринкера, Э. Фромма и др. о первичном нарциссизме.

большое родовое поселение. Спрашивается, может ли одна треть всего племени уйти на охоту, вторая заниматься собирательством и какими-то формами земледелия, а третья остаться в племени – по хозяйству, больные, старики и т.д.? Может. А если в племени уже не сто, а *тысяча* человек? Ведь человек изобретателен, сметлив, ленив, в конце концов. Жизнь свою он делает все более удобной, уподобленной себе, а, значит, численность населения растет. Повышение численности – это еще и повышение безопасности от внешних врагов. Но представить, что человек триста ушли на охоту, триста пошли сажать бананы... Сомнительно. Естественным образом возникает разделение социальных функций. Упрощенно, талантливый и крепкий охотник занимается охотой, покалеченный в прошлом, но умеющий неплохо шить, становится портным, и т.д. Но что означает такая социальная дифференциация?

Вообразим ситуацию, при которой охотник приходит с куском мяса оленя к «скорняжных дел» мастеру и предлагает обмен на мокасины. Но мастер не желает меняться, ему кажется, что добыть этот кусок мяса легче, чем сшить обувь. Возникает спор. Охотник с пеной у рта рассказывает о том, как едва не угодил в лапы к медведю, как чуть не сломал ногу в погоне за этим оленем. Мастер же указывает на время и силы, потребовавшиеся для выделки шкуры, для скрутки ниток и т.д.

То, что они спорят, понятно, но вот по поводу чего? Мы сейчас можем сказать, что по поводу стоимости. Но в момент возникновения феномена стоимости, слова указывающего на него в употреблении еще не было. Между людьми вследствие разделения социальных функций возникли принципиально новые связи и отношения, которых в принципе нет в природе, они спорят о том, что между ними есть (как отношение), а обозначающего эту новую реальность слова нет. И, безусловно, они договорятся, поскольку одному хочется кушать, а другому нужно в чем-то ходить. Но чем чаще возникают подобного рода ситуации, тем выше необходимость как-то подготовиться к ним (и охотников становится относительно больше, и портных – появляется выбор), выше необходимость передать и получить опыт, поделиться переживаниями и услышать совет, – оформляется потребность в особом знаке¹.

¹ Конкуренция здесь понимается как фактор развития языка и сознания.

На этот раз возникает слово - референт, денотат¹ которого не является предметом, созерцаемым явлением или вещью, которую можно пощупать. Вот он – волшебный момент: словом обозначается то, чего нет и не было в природе. А позже, когда возникает расхожий эквивалент стоимости, появляется и слово «деньги» обозначающее *искусственный объект*, т.е. предмет, которого нет в природе, который является результатом *социальной практики* человека. Этот искусственный объект *по своей природе* есть опредмеченное, объективированное социальное отношение, прежде ставшее идеальным – в сознании первобытного человека. С этого момента (условно) само по себе выражение «по своей природе» может прочитываться не как «то откуда произошло все», а означает «по происхождению».

Так с увеличением численности населения, с разделением социальных функций развивается *язык и предметы культуры*. И чем выше численность населения, тем дифференцированнее социальные функции, *тем больше времени человек тратит на взаимодействие уже не с непредсказуемой стихией – природой, а с другими людьми*, которые поддерживают определенные социальные функции и вполне предсказуемы – они такие же, в сущности, как я, т.е. имеют желания, потребности, конкретные возможности и т.д. А раз так, то все более ясными и понятными становятся действия людей, поскольку у их поступков есть конкретные повторяющиеся и поэтому предсказуемые причины. Чем развитее социальная структура, тем больше она требует правил к соблюдению. Отсутствие социальных правил грозит уничтожением общества, поэтому люди учитывают правила и ждут, что при обращении с ними правила будут учтены другими. Поэтому если воспринимать людей как непредсказуемую природу, то очень легко оказаться в числе «выбракованных» обществом.

Так сама социальная жизнь человека заставляет все больше внимания уделять осознанию причин и следствий, логике происходящего. Человек словно бы выделяется из природы и создает мир возделанной природы – мир культуры. Но и этого оказывается недостаточно, человек, далее, старается разотжествиться и с родом-племенем, он стремится стать личностью.

1 Обозначаемый объект.

Вероятно, прошло не одно тысячелетие, прежде чем первобытное сознание сменилось мифологическим, в котором обязательны «герой», «поступок», «преодоление препятствия во имя рода людей», а, затем, сознание мифологическое сменилось сознанием философским и религиозным, а позже и научным. Но, по памятникам культуры, мы можем утверждать, что примерно в шестом веке до нашей эры, фактически по всему миру происходит своего рода качественный скачок – рождается философское знание (в античной Греции, Древнем Риме, Китае, Индии и др.). И, самое удивительное в контексте настоящих размышлений, с каких вопросов началась философия? С вопросов о первопричинах.

Веками социальная деятельность человека перестраивала первобытное мышление, основанное на сопричастности, на принцип причинности. И как только это превращение оказалось достаточным, причинность, как принцип организации представлений в сознании из вторичного становится первичным. А раз поиск причин теперь первостепенен, то логичным представляется вопрос и о причине того следствия, частью которого мы являемся, затем о причине этой причины и т.д., в чем первопричина? Что теперь может быть естественнее этого вопроса?

И древние философы находили первопричину, обнаруживая ее в хаосе (Гесиод), в воде (Фалес), в воздухе (Анаксимен), в огне (Гераклит), в дхармах (Будда), и т.д. И это все 6-5 вв.д.н.э.

Итак, мышление сменило принцип организации представлений в сознании с сопричастности на причинность, что стало возможным с произошедшей в веках дифференциацией представлений. Чем дифференцированнее становилась социальная практика, тем дифференцированнее становились представления в мышлении. Новые же представления закреплялись традицией, встраивались в систему коллективных представлений, после чего навязывались последующим поколениям как само собой разумеющееся. Ну, а чем дифференцированнее представления в сознании, тем жестче граница между субъективным и объективным, тем (говоря словами К. Маркса) отчужденнее «я» человека.

И чем более отделен объект восприятия и деятельности от субъекта, тем больше возможностей использовать этот объект, причем опосредованно, через инструмент.

Непосредственного воздействия требует то, с чем человек еще не разотождествился в достаточной для этого мере. С тем

же с чем человек разотождествился в достаточной степени можно оперировать опосредованно, через инструменты (как в практической деятельности, так и в мыслительной).

Но слово оказалось не просто инструментом. Обозначая то, чего нет в природе, слово приняло на себя истинно культурообразующую функцию. Размышляя посредством таких слов как «стоимость» о том, что нельзя определить остенсивно (на что нельзя указать пальцем, показать примером) или нельзя обнаружить в природе (предметы культуры – инструменты, предметы искусства, и т.д.) *человек формировал смыслы, знаки и значения, не имеющие прямой связи а) с реально существующим либо естественным объектом и б) со стимулом, с предметом прямо удовлетворяющим естественную потребность.*

Это, на первый взгляд, нелогично, также как (в примере А.Н. Леонтьева) гнать добычу от себя (когда хочется кушать), чтобы другие ее поймали (в загонной охоте). Нелогично также как размышлять о стоимости вместо того, чтобы думать о мокасинах, думать о приспособлении для копания, вместо того, чтобы думать о корнеплодах, сладких таких и сочных. Размышлять об инструменте деятельности – это значит осознать что к одному и тому же предмету деятельности приложимы различные средства деятельности (посредники), позволяющие эффективнее решить задачу, удовлетворить потребность. Так развивается, получает инструментальную основу, *абстрактное мышление.* По определению абстрактное мышление, в отличие от *практического мышления* не подкреплено обыденной жизнью, не вытекает из индивидуального опыта реального столкновения с миром. Более того, и не требует такого подкрепления, а зачастую (как показали, еще в тридцатых годах, опыты А.Р. Лурии) для абстрактного мышления необходимо полностью оторваться от связи с обыденным опытом конкретного индивида.

Что же это дает обществу? Информация с этого момента может передаваться логическим путем, без обязательного примера для подражания, обязательной связи с реальным временем и прочими воспроизводимыми в опыте условиями. Знания, характеризующие весь класс данных явлений, начинают применяться как знания, характеризующие каждое явление в этом классе, т.е., семантически, возникает новый инструмент мышления – денотат – класс предметов, обозначаемых общим именем или предмет, обозначаемый собственным именем. Человек теперь не только обозначает предметы и да-

ет им общие имена, он теперь еще и создает предметы для обозначения, где и само обозначение может выступать как абстрактный «предмет» для еще более абстрактного обобщения или еще более конкретного анализа. Тем самым человек разделяет в познании сам предмет и те закономерности, которым предмет подчиняется. Это значит также, что то, *что* обозначается не есть то *чем* оно обозначается.

С точки зрения описываемого, сначала люди научились обозначать (природные объекты), затем научились обозначать то, что возникло как следствие разделения социальных функций и самого «умения обозначать» (искусственные объекты, социальные отношения и сам язык), далее развитие мышления подтолкнуло научиться обозначать то общее, что свойственно объектам и отношениям (абстрактные понятия и отношения). И оказалось, что абстрактные отношения можно выразить через самые различные конкретные объекты, например, считать можно и на палочках, и на счетах, и на яблоках, от это результат счета не меняется. Но для этого необходимо осознавать, что же именно обозначается этими палочками, счетами или яблоками.

Если это осознается, то на абстрактный математический вопрос: «сколько останется овец в стаде из пяти, если две из них убегут» не будет сугубо практического ответа: «несколько, потому, что если побежит одна, то побегут и все остальные». Или на силлогизм: «Света и Таня всегда пьют чай в полдень. Сейчас Таня пьет чай. Пьет ли чай Света?» не будет ответа: «Откуда я знаю, что делает Света? Я ее не знаю, может она такая же сумасшедшая как Таня». «Это почему же Таня сумасшедшая?». «Ну, видите ли, я то точно знаю, что сейчас не полдень. А Таня, по вашим словам, пьет чай и уверена, что пьет всегда в полдень. Точно сумасшедшая».

Процесс дифференциации представлений дошел до того, что человек может отвлеченно манипулировать понятиями и знаками, практически ничего общего не имеющими с реальными предметами, вещами и событиями в действительности. Вместе с дифференциацией социальных функций и представлений дифференцировались, изменялись и конкретные представления – о вещах, о мире, о человеке, о себе, о государстве, о семье и т.д. Примерно к эпохе Средних веков (I–XIV в.н.э.) человек выделяется уже не только из природы в мир культуры, но старается выделиться и из мира челове-

ского общества в статус личности, а затем, примерно в эпоху Нового Времени (XVII в. н. э.), в статус индивидуальности.

Благодаря социальной практике и развитию мышления, выделив себя из мира природы, и даже культуры человек научился проводить границу между внешним и внутренним, между субъектом и объектом восприятия и познания – возникло действительно социальное «я», отдельное и стремящееся к независимости, к тому, что бы подчинять мир. Но эти процессы неизбежно отразились бы на уровне всей культуры. И они отразились. Мир человеческой культуры вошел в свою религиозную стадию.

Таким образом, можно утверждать, что, начиная с эпохи Средних веков, *в культуре закрепляется новый тип психофизических отношений, а именно отношение «я – центр мира».* Это отношение, при котором человеческое «я» оказалось в самом центре мира, где мир создан для человека, где сам человек есть существо созданное по образу и подобию всемогущей силы – Творца. Религия целиком антропоцентрична. И этот антропоцентризм был в чем-то подготовлен мифологическим сознанием, которое в отличие от первобытного сознания предпочитало антропоморфных богов и героев, которым есть дело до людей, и которые могут видеть человека даже целью своих поступков. В религиозном мировоззрении все вертится вокруг человека, для человека, из-за человека и ради человека. *За человека и во имя человека* даже умирает сын Божий, идет борьба за человеческие души. Творец-Родитель воспитывает, наставляет, наказывает и поощряет. Он имеет право – он создатель. Он источник реальной власти и ответственности. Ребенок же уповает на волю Бога. Ребенок именно Его просит и боится, поскольку Он – Отец святой. Перед собой у человека верующего ответственности нет – только перед Богом. После смерти человек приходит «Домой» и отчитывается в том, что делал и где был, и ждет наказания или поощрения. Однако настоящий родитель всегда готов простить, нужно только покаяться. Хотя могут и изгнать из дома. Например, за *стремление к независимости от Бога* – это величайший грех, с точки зрения религии. У Бога можно только просить, у него нельзя требовать и его нельзя игнорировать, ведь на самом деле, Бог делает все ради человека. Он лучше человека знает как человеку лучше. Единственное, что остается делать – это жить по заповедям Родителя и ожидать его благодати. Невероятная,

непостижимая мания величия. Антропоцентризм в религии чрезвычайно схож с геоцентризмом в физике.

Немного суммируя, в филогенезе типы психофизических отношений изменяются от биологически заданного «я – центр мира» к «я – это мир, а мир – это я» (в первобытной форме сознания $\approx 30000-15000$ гг.д.н.э.), затем, через выход на причинное мышление, но через мифологическое ($\approx 15000-2500$ гг.д.н.э.) к философскому сознанию (\approx с VII в.д.н.э.), и, далее, к «я – центр мира» (в религиозном сознании – I-XIV в.н.э.).

Таким образом, в средневековье, *в религиозном сознании удивительным образом объединяются онтогенетически заложенное в человеке отношение «я – центр мира» с филогенетически закладываемым, культурно закрепляемым отношением «я – центр мира», и человек застревает на онтогенетически и филогенетически детской стадии развития. Происходит своего рода спайка онтогенеза и филогенеза, где филогенез догнал соответствующий по стадии онтогенез (или вернулся к нему).*

В детской позиции много, очень много ожиданий, надежд, упований, которые, безусловно, не будут оправданы, а, следовательно, будут приводить людей к целой гамме отрицательных чувств, эмоций и переживаний. В детской позиции нет активного желания, запускающего ответственные поступки, нет готовности к самостоятельным решениям, нет готовности к той отчужденности, которая обязательно возникает как следствие причинного мышления, следствие индивидуализации человека. Но есть целый набор антропоцентристских установок – ожиданий.

Вместе с выходом передовой части человечества за рамки религиозной формы сознания (принято считать, что к научной) можно говорить о подготовке перехода, возможно даже о начавшемся переходе к новому типу отношений между «я» и «не-я». Но каким может быть это новое психофизическое отношение? Попробуем выяснить логически.

Пожалуй, пора в необходимой для точности описания мере охарактеризовать логически допустимые типы отношений между «я» и «не-я». Для этого обратимся к структуре психофизического отношения.

Структура психофизического отношения

Выделяя структурные элементы психофизического отношения и отличия между типами психофизических отноше-

ний, мы не будем (как уже говорилось) проводить различие между психическим и непсихическим, психическим и физическим, материальным и идеальным – все это фундаментальные вопросы, не решаемые в рамках данной работы. Зайдем с более простой стороны, а именно – психическое будем понимать как «я» («себя», «свое», «условно внутреннее»), а непсихическое как «не-я» («мир», «чужое», «условно внешнее»). Идея в том, что, субъект не может адекватно мыслиться вне того, что его окружает, следовательно, психофизическое отношение обязательно включает в себя две части - *отношение к себе* и *отношение к миру*¹.

Получаем *общую структуру психофизического отношения*:

ОБЩАЯ СТРУКТУРА ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ

психофизическое отношение	=	отношение к себе	+	отношение к миру
---------------------------	---	------------------	---	------------------

Но из чего в свою очередь складывается *отношение к себе* и *отношение к миру*? Речь ведь не идет сейчас об образе себя, и самовосприятии этого образа, его эмоциональной оценке или о том в каких эмоциональных тонах оценивается мир. Речь идет о фундаментальном познавательном отношении к себе, т.е. о *самоосознании*, и о фундаментальном познавательном отношении к миру, т.е. об *осознании мира*. Поскольку же осознавать себя или мир можно только определенным образом, а не вообще, то следует говорить о *конкретных формах самоосознания* и *осознания мира*. Из чего же может складываться такая форма?

Самоосознание и осознание мира с очевидностью отличаются по *предмету* познания (осознание себя или мира), предмету отношения, что должно указывать нам и на специфику *способа* познания, отношения. Но под единством предмета и способа познания уже понимается *форма мышления*, а раз так, то форма самоосознания и форма осознания мира не могут быть отдельными формами мышления (тогда у нас субъект получится замкнутым на себя, а восприятие будет свободным от субъекта), но вполне подходят на роль составных частей формы мышления. И если, форма мышления складывается из определенных форм самоосознания и осознания ми-

¹ А. Галич, А. Потеня, И.М. Сеченов и др. утверждали, что две формы осознания – себя (самосознание, Я) и ближайшей окружающей среды (осознание Не-Я) формируются одновременно.

ра (являющихся составными частями психофизического отношения) тогда форм мышления не две (пралогическая и логическая), как можно предположить из работ Л. Леви-Брюля, а столько, сколько типов психофизических отношений. И тогда понятия форма мышления и психофизическое отношение выглядят тождественными.

Однако при всей содержательной схожести, понятия все же различны. Понятие *формы мышления* указывает на *специфику а) представлений* (напр., слабо- и сильнодифференцированные) и *б) их способа сочетания в сознании* (напр., партиципация и причинность), а понятие *психофизическое отношение* отражает *специфику а) предмета рефлексии, познания и б) ключа истолкования этого предмета рефлексии и познания* (поскольку предмет рефлексии, познания не дан человеку непосредственно, напротив, дан опосредованно – через ощущения, восприятия, представления и т.д., а значит всегда будет «вырисовываться» некой системой «обозначения» и «дешифровки», будь это первая сигнальная система или вторая, или их особая форма здесь не принципиально).

Таким образом, и *отношение к себе и отношение к миру в виде конкретных форм самоосознания и осознания мира имеют свои предметы самоотношения и отношения к миру, а также имеют ключи их истолкования.*

И тогда *отношение к себе* – это то что воспринимается в качестве «я» и *через что* это «я» истолковывается. А *отношение к миру* – это то что воспринимается как «мир», и *через что* этот «мир» интерпретируется.

Теперь можем представить более подробную структуру типов психофизического отношения:

СТРУКТУРА ТИПОВ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ

психофизи- ческое отношение	=	отношение к себе		+	отношение к миру	
		предмет самоотношения (что воспринимается как «я»)	ключ истолкования (через что «я» интерпрети- руется)		предмет отношения к миру (что воспринимается как «мир»)	ключ истолкования (через что «мир» интерпрети- руется)
тип психофизи- ческого отношения	=	? (психофизическая переменная)	? (психофизическая переменная)	+	? (психофизическая переменная)	? (психофизическая переменная)

Остается подставить на место знаков вопроса соответствующие *психофизические переменные*, чтобы получились конкретные *формы самоотношения* и *отношения к миру*, из которых, в свою очередь, возможно будет получить типы *психофизических отношений*.

С логической точки зрения *предметом самоотношения*, т.е. того, что воспринимается в качестве «я», «своего», «внутреннего» может быть само «я» (адекватное самоотношение), а может быть и что-то другое, но тогда в любом случае «не-я», «мир», «чужое», «внешнее» (неадекватное самоотношение). *Общим ключом истолкования предмета самоотношения* может быть опять-таки либо «я» (адекватное истолкование), либо «не-я», «мир», «чужое», «внешнее» (неадекватное истолкование). Под адекватностью здесь понимается соответствие внутреннего внутреннему, а внешнего внешнему. Подмена *своего чужим* и наоборот рассматривается как неадекватное отношение, *источник базовых ошибок восприятия и истолкования*.

Также с предметом и ключом *отношения к миру*. *Предметом отношения к миру*, т.е. того, что воспринимается в качестве «мира», «внешнего», «чужого», «внешнего» может быть сам «мир» (адекватное отношение к миру), а может быть что-то другое, и тогда обязательно «я», «свое», «внутреннее»¹. *Общим ключом истолкования предмета отноше-*

¹ Переходные формы между «я» и «не-я», «своим» и «чужим», «внутренним» и «внешним» брать пока в расчет не будем, поскольку они если и возникают в психике, то, вероятно всего, являются временными, неустойчивыми и потому неспособными к формированию психофизического отношения. Такие переходные формы похожи на качества «немножко живой», «капельку мертвый», «чуть-чуть беременная» и т.п.

ния к миру логически может быть также либо «мир» (адекватное истолкование), либо «я», «свое», «внутреннее».

В графической форме *психофизические переменные (т.е. предметы самоотношения и отношения к миру с ключами их истолкования)* можно найти, используя решетку Пённета, где предмет отношения поставим первым в паре, а ключ к истолкованию вторым, через определяющую связку «это».

	Я	Мир
Я	Я это Я	Я это Мир
Мир	Мир это Я	Мир это Мир

Теперь, располагая психофизическими переменными, мы можем получить основные типы психофизических отношений.

Основные типы психофизического отношения

СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ

психофизическое отношение	=	отношение к себе			+	отношение к миру		
		предмет самоотношения (что воспринимается как «я»)	ключ истолкования (через что «я» интерпретируется)			предмет отношения к миру (что воспринимается как «мир»)	ключ истолкования (через что «мир» интерпретируется)	
1.		я	это	мир	а	мир	это	я
2.		я	это	я	и	я	это	мир
3.		мир	это	я	и	мир	это	мир
4.		я	это	я	и	мир	это	я
5.		я	это	мир	и	мир	это	мир
6.		я	это	я	а	мир	это	мир

Конкретный тип психофизических отношений задает своего рода русло, или канал, в рамках которого затем будут строиться, а, скорее, *оформляться* ответы на *три фундаментальных вопроса любого мировоззрения*: а) что есть «мир», б) что есть «я», и в) каково отношение между «миром» и «я».

В имплицитной форме отношение между «я» и «не-я» (психофизическое отношение) содержит ответы на эти вопросы, тем, что задает базовую отстройку, общую истолковательную позицию, позволяющую, затем, достаточно непротиворечиво отвечать на уже конкретные вопросы.

Следовательно, *данные типы психофизических отношений оказываются прямым основанием для формирования и*

развития определенного типа сознания в ту или иную историческую эпоху.

При этом внутри данного исторического типа сознания может существовать большое разнообразие конкретных мировоззренческих систем, но если эти представления принадлежат людям с одинаковым типом психофизического отношения, то мировоззрения их будут принципиально схожими именно в отношении ответов на указанные три фундаментальных вопроса любого мировоззрения.

Как видно из структуры психофизического отношения, оно задает не только тип сознания, но и тип самосознания, значит либо формирует прямо, либо является одним из факторов формирования *чувства самоидентичности* человека, его самоощущения. Безусловно, чувство самоидентичности оказывает, в свою очередь, сильнейшее воздействие на восприятие (как внешнего, так и внутреннего), но, являясь предельно привычным, или предельно близким к «я», не замечается, не осознается.

Психофизическое отношение задает совершенно определенную специфику познанию и познаванию, как мира, так и человека. Более того, если в акте познания (кроме прочего) различать момент *узнавания* (как, напр., у Платона: «перед тем, как узнать, равны ли вещи, необходимо, прежде, иметь идею равенства»), то *следует признать развитие познания невозможным без соответствующих изменений субъекта, в том числе его психофизического отношения*. Более того, в современной теории познания кроме *узнавания*, в познании выделяют и момент *уподобления*, даже «*отдавания себя*»¹ как необходимое для познания сущности предмета состояние познающего, а по доктору философии М.Я. Вайскопфу – «преодоления»² (преодоления себя и другого, мы можем добавить). Из этих положений могут быть выведены многие практически значимые следствия.

К примеру, на уровне феномена понимания в межличностном общении данные положения можно представить в виде *уровней сложности вопроса и ответа для понимания*. Для классификации этих уровней воспользуемся критериями а) времени затрачиваемого на ответ, и б) разницы между познавательным опытом субъектов общения. В классификации

1 Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М., ИНФРА-М, 1997, 576 с.

2 Вайскопф М.Я., Кацис Л.Ф. Диалог на тему: Писатель Сталин // Гордон А.Г. Ночные диалоги. – М.: Предлог, 2003. – 320 с. (С. 230-271).

будем исходить из нормальных способностей к самовыражению, вербализации, восприятию и т.п. у обоих субъектов. Итак.

1. *Легкий вопрос.* Это вопрос, ответить на который можно кратко, емко, быстро, и ответ будет адекватно понят. Различие между субъектами в данном аспекте минимально, либо вопрос предполагает достаточно простой ответ.

2. *Вопрос требующий времени.* Это вопрос, отвечать на который придется долго, с отступлениями и возвратами для того, чтобы вопрошающий обрел адекватное понимание ответа. Вероятно здесь присутствует существенное различие по данному аспекту между субъектами общения.

3. *Вопрос требующий опыта.* Это вопрос, для ответа на который требуется безусловное наличие определенного опыта, согласующегося с опытом отвечающего. Далеко не обязательно наличие именно идентичного опыта, но без данного опыта ответ понят не будет – ни с чем, ни согласованные слова так и останутся пустыми звуками.

4. *Вопрос требующий и времени, и опыта.* Это вопрос, ответ на который понят быть не может в силу чудовищной разницы между возможным смыслом ответа и уровнем понимания вопрошающего. Ответом на такой вопрос может быть только указание «пути», способа достижения опыта и понимания. Такой ответ может быть понят спустя годы, например, в форме инсайта – «так он же именно это и говорил мне семь лет назад! Вот ведь "ушлый" какой!».

5. *Вопрос требующий смены психофизического отношения.* Это вопрос, ответ на который может быть адекватно понят только со сменой человеком психофизического отношения. Со сменой психофизического отношения изменяются не только ответы на три главных вопроса любого мировоззрения, но и система ценностей, приоритетов, практических задач, язык, характер социального устройства и т.д. Поэтому понять человека с одним типом психофизического отношения из другого невозможно, однако можно, зная формулы психофизических отношений, спрогнозировать вероятную логику его мышления, эмоционального реагирования, поведения, мотивации, и т.д.

Очевидно, что представленная классификация вопросов по уровню сложности подачи ответа предполагает не столько специфику вопросов (хотя и это тоже), но в большей степени

специфику различий между людьми, их уровнем осознания мира, себя, отношений между человеком и миром.

Речь о том, что отвечая (неважно – в феноменах формального, близкого или манипулятивного общения), человек предполагает донести *смысл*, т.е. собственную, прожитую субъективную значимость, спрессованную в слове. Эта *субъективная значимость* не есть аналог истины или критерий истинности, но есть критерий *силы смыслового воздействия* на субъекта ее носителя. Манипулируя словами, затрагивая субъективно значимое для человека, мы оказываем на него колоссальное смысловое воздействие. И ожидая понимания, человек ждет, в том числе, и подобного воздействия на себя. Но ведь речь сейчас идет о *смысловом воздействии*, а смысл, как известно из отечественной теории деятельности – принадлежит субъекту. Иначе говоря, *ожидая понимания*, как смыслового воздействия на себя, человек желает увидеть себя в другом, словно бы желает оказаться под воздействием самого себя же, но *через другого, ждет* (а часто и требует) *превращения другого в себя*. И в этом смысле понять – значит уподобиться, разделить *субъектность* с Другим.

Эта «метасубъектообразующая» функция понимания не является побочным эффектом познания, но есть одна из составных частей функциональных систем человечества как субъекта познания. Забегая вперед, однако отметим, что понимание перестает включать в себя субъектообразующую функцию в случае если субъект понимания обретает самостоятельный онтологический статус по критерию приложимости к нему законов эволюции, т.е. когда субъект понимания становится самостоятельной эволюционной единицей, а не частью оной.

Мы достаточно подробно уже остановились на специфике первобытного и религиозно сознания, потому, что первобытное – крайне значимо для понимания филогенеза, а религиозное – хорошо показывает онтогенетически первичное отношение «я – центр мира» (в классификации типов психофизического отношения: «я – это я, и мир – это я»). *В качестве основания перехода от одного к следующему типу психофизического отношения принимается необходимое возникновение и развитие новых социальных практик, отношений между людьми, что требует обоснования в рамках отдельной работы.*

Логически же выводится возможность существования еще нескольких типов психофизического отношения в *мифологическом, философском, научном и индивидуализированном* созна-

нии. Попробуем, по найденным формулам типов психофизического отношения, реконструировать особенности выросших на их основе исторических типов сознания. Напомним, что в формуле психофизического отношения в левой части – форма самоотношения, в правой части – форма отношения к миру.

Далее, каждой формуле соответствует наименование исторического типа сознания, краткое и принципиальное истолкования, оценка психофизического отношения по критерию адекватности оформляемого им восприятия.

Реконструкция особенностей исторических типов сознания соответствующих типам психофизического отношения

1. Я – ЭТО МИР, А МИР – ЭТО Я / «ПЕРВОБЫТНОЕ СОЗНАНИЕ»

Краткое истолкование. Человек и мир отождествлены.

Принципиальное истолкование. В первобытном сознании человек и мир едины, отождествлены как в психике человека, так и в механизмах биогеоценоза своего существования¹. Нет адекватных представлений ни о себе (неоформившееся «я» истолковывается через «мир»), ни о мире («мир» истолковывается через неоформившееся «я»). По сути «я» еще не выделилось из «не-я» в необходимой для возникновения абстрактных ментальных представлений форме («я» не противопоставляется миру – человек и мир функционируют как целостная единица). Такая отождествленность, тождественность предполагает полную *непосредственность* отношений между человеком и миром. Ни практический инструмент, ни абстрактное слово (инструмент мышления), ни социальный институт не являются посредниками в удовлетворении потребностей. (Подробнее о первобытном сознании см. в начале работы).

Оценка психофизического отношения по критерию адекватности восприятия: базовых ошибок восприятия нет, поскольку ошибки относимы к субъекту, а таковой фактически отсутствует; отсутствует деление на свое/чужое.

2. Я – ЭТО Я, И Я – ЭТО МИР / «МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ»

Краткое истолкование. Человек как экстериоризация мира.

Принципиальное истолкование. В мифологическом сознании человек уже выделил себя из мира («я - это я»), но все еще тесно с ним связан – *предметом отношения к миру* видит себя, хотя пытается истолковать его через «мир» («я – это мир»), че-

¹ Хотя, даже чтобы только выразиться подобным образом, уже необходимо делить на «мир» и «человека», что указывает на специфику современного мышления.

рез неосознаваемые представления о мире. Это почти детская игра. Активно воздействуя на мир, человек видит себя в следах своего воздействия. Но «мир» оказывается по определению недоступным для истолкования, поскольку мифологический человек смотрит не на «мир», а на себя в качестве мира, объясняет себя через мир, через его (мира) действующие причины, но пока не осознаваемые как внешние. Можно сказать, что существует достаточно адекватное представление о себе, однако, вместе с тем, существует стремление на месте мира видеть себя, но с присущими миру (вероятно бессознательно схватываемыми) свойствами, присутствует стремление истолковывать человека через знания и через неосознаваемые представления о мире. Т.е. человек понимается все еще и как часть мира, и как результат деятельности мира развивающегося в соответствии с заложенными в мире силами. Он уже выделил себя из мира, но все еще тесно с ним связан. Человек здесь только одно из множеств событий разворачивающихся из необъятной, необъяснимой, ускользающей от внимания стихии мироздания.

Оценка психофизического отношения по критерию адекватности восприятия: доминирующая ошибка восприятия и истолкования - «смещение» - одно свое (напр., из прошлого) принимается за другое свое (напр., из настоящего).

3. МИР – ЭТО Я, И МИР – ЭТО МИР / «ФИЛОСОФСКОЕ СОЗНАНИЕ»

Краткое истолкование. Мир как интериоризация человека.

Принципиальное истолкование. В философском сознании человек уже сомневается в том, что познал себя («мир» стоит в качестве предмета самоотношения), напротив, познание себя сразу становится лейтмотивом философии. Человек понимает уже, что многое из того, что он приписывал миру, есть его собственное отражение–воспоминание и отражение–ожидание (в отношении к себе «мир» истолковывается через «я»), многое есть объяснение с позиции представления о себе. Этим одновременно подготавливаются к возникновению как религиозное, так и научное сознание. Развивается достаточно адекватное представление о мире («мир – это мир»).

Поскольку предметом самоотношения является «мир», но истолковывается через «я», то становится понятным *стремление философского сознания видеть субъективное как объективное.* Философское сознание пытается раскрыть имманентный смысл вещи и сообщает ей смысл, в отличие от научного сознания, в котором говорят не о субъективном как

об объективном, а говорят о наделении смыслом и значением, где смысл и значение только приписываются объективному.

Мир понимается философским сознанием как имеющий начало, способный отвечать на действия и устремления человека, изменяться в соответствии с тем как меняется человек (материализм и идеализм), более того, мир становится в статус «я» - это великолепно почувствовали софисты. Здесь представления о мире как об относительном опыте человека (субъективизм, софисты). Здесь же и солипсизм (представление о существовании только того, что воспринимается). Здесь и представления о макро- и микрокосмосе – в мире есть только то, что есть в человеке и наоборот (античная космология, русский космизм) – ведь «мир – это я». Здесь и концепции об ограниченности человеческого познания, поскольку, несмотря на то, что мир существует сам по себе (мир – это мир), объясняется он через человека – мы познаем не столько законы мира, сколько законы нашего восприятия мира, но когда думаем, что познаем себя, на самом деле пытаемся *представить мир в качестве себя самих*.

Философ стоит в позиции наблюдателя, смотрит на все со стороны и о себе говорит в третьем лице, зачастую понимая, что нередко приписывает миру свойства своего собственного мышления¹. *Абсолютная уникальность философского сознания как раз в том, что из всех адекватных типов сознания – это единственное в котором в отношении к себе мир выходит на первый план, занимая место предмета самоотношения («мир – это я»).*

Оценка психофизического отношения по критерию адекватности восприятия: доминирующая ошибка человеческого восприятия и истолкования - «перенос» - одно чужое принимается за другое чужое.

4. Я – ЭТО Я, И МИР – ЭТО Я (я – ЦЕНТР МИРА) / «РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ»

Краткое истолкование. Мир как экстерииоризация человека.

Принципиальное истолкование. В религиозном сознании человек крайне много внимания уделяет самому себе, и на все смотрит через призму себя самого (видит не мир, а эксте-

¹ «В самом деле, ведь для каждого предмета моего мира я тоже Другой и наполняю его тайной. Моя тайна возвращается ко мне, и получается, что это я лукаво улыбаюсь в ответ на обращенный мною ко мне же вопрос: «Кто ты?» Я раскрываю тайну и отвечаю на вопрос, интенционально проецируя свое самобытие, эту ясную и понятную область на Другого, как на символ. Я расшифровываю символ, и нахожу разгадку: «Мир», это - «Я» (Павлов А.В., Галкин В.Т. Современная первобытность / Тюмень, ТОГИРРО, 1999.-133 с.)».

риоризованного себя, хотя данный человек уверен, что видит именно «мир»). Мир истолковывается через представления человека о себе, фактически как продолжение человека (антропоцентризм). Закономерно, что здесь же развиваются, а главное становятся популярными, представления о мире как о последствиях действий человека (рай, ад). Здесь же идеи о скрытых возможностях человека определять мир своего существования (напр., представления о реинкарнациях); мир это деятельность моего сознания, иллюзия (буддизм, ведантизм, даосизм и пр.). Тут же и многие эзотерические концепции. Человек с позицией «я – центр мира» представляет собой гипертрофированного ребенка, ожидающего, что мир будет вращаться вокруг его «я».

Оценка психофизического отношения по критерию адекватности восприятия: доминирующая ошибка человеческого восприятия и истолкования - «проекция» - свое принимается за чужое.

5. Я – ЭТО МИР, И МИР – ЭТО МИР (МИР – ЦЕНТР Я) / «НАУЧНОЕ СОЗНАНИЕ»

Краткое истолкование. Человек как интериоризация мира.

Принципиальное истолкование. В научном сознании человек уже смотрит на все через призму мира, т.е. физических, социальных и пр. законов (ключом для истолкования предмета самоотношения является «мир»). Т.е. в научном сознании человек видит в себе то, что свойственно объектам доступным для наблюдения (позитивизм, объективизм), видит, по сути, не себя, а интериоризованный мир, хотя, при этом, он уверен, конечно же, что видит именно себя (работают базовые ошибки восприятия). Существует достаточно адекватное представление о мире (и предметом отношения и ключом истолкования в форме отношения к миру является «мир», что адекватно), однако сам человек истолковывается через знания о мире, как часть мира. Здесь действительно царствует объективизм и иначе быть не может. Человек фактически лишается своего активного начала и является своего рода отражением мира, реагирующим на изменения в мире. Ключевое слово – реакция. Человек стал пассивен, объясняя себя через мир, человек снимает с себя ответственность за свое состояние. Путем долгих тренировок человек выучивается так «выученной беспомощности». Человек научного сознания – невероятно зависимый от мира человек, в том числе от социального мира. Раз «я – это мир», то я – это страна, профессия, друзья, работа, семья, мой автомобиль и даже костюм, да что угод-

но, но только не сам я - настоящий. В самом психофизическом отношении уже заложен культ личности (личины) (персонализм). В противоположность человеку религиозного сознания, человек с позицией «мир – центр я» (в научном сознании) является собой гипертрофированного *родителя*. Если мир оказывается центром моего «я», то и источник моей активности должен быть во вне. Такой человек либо полный конформист, либо, напротив, тиран и деспот, поскольку *до такой степени зависит от внешнего, что любой ценой пытается этим внешним управлять*. Любопытно, что именно со становлением научного сознания можно связать историю самых глобальных тираний. Безусловно, это ущербная позиция, поскольку человек находится с миром в отношениях абсолютной зависимости, от того чтобы приспособиться или приспособлять, подчиниться или подчинять.

Оценка психофизического отношения по критерию адекватности восприятия: доминирующая ошибка человеческого восприятия и истолкования - «интроекция» - чужое принимается за свое.

6. Я – ЭТО Я, А МИР – ЭТО МИР / «ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЕ СОЗНАНИЕ»

Краткое истолкование. Человек и мир разотождествлены.

Принципиальное истолкование. Существуют достаточно адекватные представления о себе и о мире, которые не путаются, не подменяются, не смешиваются друг с другом. Человек представляет именно себя в качестве источника активности. Такой человек взаимодействует с миром только в той мере, в какой это необходимо для достижения его целей. Это чрезвычайно веселый человек (не обязательно смешливый на публике), поскольку видеть постоянно, как все вокруг путают *свое с чужим и чужое со своим* – уже не грустно, а только забавно и смешно. Это человек одинокий, но не в смысле страдающий и жалеющий себя (тратить на это время собственной жизни – идиотизм для него), а в смысле осознающий свою отдельность от всего остального, осознающий тотальную неотвратимость смерти. Поскольку чувство субъектности невероятно сильно, то и *собственная смертность* (а не какая-то там абстрактная идея смерти) осознается по-настоящему остро. Зная о своей смертности, он не может себе позволить прожить всю жизнь как один и тот же день (пропадает смысл). Осознавая собственную смертность, индивидуализированный человек знает, что принимать себя всерьез, считать что кто-то, что-то тебе должен или обязан – самая большая глупость

(соответственно не знает, что такое обижаться, разочаровываться, ревновать, презирать и т.п.). Он *играет значениями вещей*, хотя бы потому, что в противном случае не выдержит сокрушительного давления тайны непознаваемого. Такой человек постоянно осуществляет жизненный выбор, решает экзистенциальные проблемы – для него даже посуду помыть или мусор вынести вполне экзистенциальная проблема. Понять для такого человека это не значит уподобиться, понять для него – это обнаружить исходные посылки явления и схватить тенденцию, но главное – углядеть «дверь» в непознанное. Принимая на себя ответственность за свою жизнь (непрерывно осознаваемую как невероятно короткую) индивидуализированный человек постоянно *превращает* себя во что-то новое, поскольку сам является главным предметом собственной деятельности. Различая и мир и себя, такой человек не может замкнуться на себе или на мире (раз «я – это я, а мир – это мир», то «я не более чем я, а мир не более чем мир», но и не менее – и то и другое способно изменяться). Не считая себя важнее кого или чего-либо, человек индивидуализированного сознания способен выслушать собеседника лучше любого и дать самый лучший совет, даже в случае отсутствия и мизерной доли интереса к собеседнику. Основной жизненный принцип его можно охарактеризовать как эффективность в достижении собственных целей, выстаивая перед непознанным и перед сокрушающим давлением непознаваемого.

Оценка психофизического отношения по критерию адекватности восприятия: базовых ошибок восприятия нет, поскольку субъект не смешивает себя с тем, чем не является: свое – это свое, а чужое – это чужое.

В заключение отметим, в работе поставлена проблема исследования психофизического отношения, введена соответствующая категория, выделена общая структура и типы психофизического отношения, определены некоторые принципиально значимые следствия для познания исторических форм сознания и связи филогенетических и онтогенетических аспектов развития мышления и культуры, выявлена психофизическая основа в рамках развития философско-психологического исследования феномена «ожиданий». Однако обоснование логических и исторических переходов от одного типа психофизического отношения к другому требует специального рассмотрения в отдельной работе.